

Контрфактические исторические исследования в системе научного познания

Автор: В. А. НЕХАМКИН

Контрфактические исследования - важнейшее направление современного исторического познания. Так, в России в его рамках выходят антологии [Бушков, 1999; Поликарпов, 1996; Лещенко, 2003], статьи [Бестужев-Лада, 1997; Экштут, 2000; Бочаров, 2003; Назаретян, 2005], монографии [Модестов, 2000; Гуц, 2000]. Заметный интерес к контрфактическим исследованиям наблюдается и на Западе. Здесь обсуждаются различные потенциальные варианты исторического развития, последствия их реализации на практике [Дуршмид, 2000; Макси, 2001; Норт, 2002; А что, если... 2002; Пламя... 2004; Победы... 2005; Даунинг, 2006].

Контрфактические исторические исследования развиваются не только на эмпирическом, но и на теоретическом уровне. Они прошли длительную эволюцию, составляющую несколько тысяч лет [Нехамкин, 2006^а]; имеют специфическую методологию [Модестов, 2000; Гуц, 2000; Нехамкин, 2006^а]. К тому же в сфере этих исследований сформировался ряд направлений: "альтернативная история", "экспериментальная история", "виртуальная история", "ретроальтернативистика", "ретропрогностика", "несостоявшаяся история" [Бочаров, 2003, с. 150].

Однако распространенность и длительное развитие данного вида исследований не исчерпали всего множества связанных с ними гносеологических проблем¹. По моему мнению, в настоящее время главная среди них - в рамках какой из гуманитарных дисциплин надо проводить контрфактические исследования? Одни ученые видят в этой роли историческую науку. Другие выводят данные исследования за пределы научного познания - в художественную литературу. Кроме того, возможно осуществление контрфактиче-

¹ Укажу на их далеко не полный перечень: каков предмет контрфактических исследований? есть ли у них объективные (онтологические) основания? возможно ли создание универсальной методологии контрфактических исследований? следует ли пытаться объединить некоторые из направлений контрфактических исследований в единую систему или они должны оставаться независимыми друг от друга? можно ли в рамках контрфактических исследований получить научно обоснованные знания? "В состоянии ли человеческая мысль добраться до истины, если... вся система рассуждений покоится на предположениях "вот если бы... тогда бы?" [Егоров, 1990, с. 6]. "Является ли поиск ответов на вопросы такого рода (что было бы, если? - В. Н.) всего лишь досужим развлечением, или они все же представляют серьезный интерес для общественных наук?" [Назаретян, 2005, с. 7]. Данные проблемы возникли объективно, поэтому, на мой взгляд, обязательно рано или поздно найдут свое решение.

Нехамкин Валерий Аркадьевич - кандидат философских наук, доцент Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана.

ских исследований в рамках философии истории. Рассмотрим подробно каждую из данных позиций.

* * *

Логика ученых, считающих, что место контрфактических исследований - в исторической науке, базируется на следующих аргументах. История изучает прошлое. В контрфактических исследованиях оно мысленно изменяется, выявляются вероятные последствия такого изменения. Стало быть, в обоих случаях речь идет о едином предмете: прошлом. Значит, контрфактические исследования должны быть отнесены к исторической науке. Тем более что это позволит извлечь из минувшего определенную полезную информацию, "уроки". Такую позицию можно найти, например, у Тита Ливия: "Ничто, кажется, не было мне так чуждо, когда я начал этот труд, как желание отступать от изложения событий по порядку и расцветивать свое сочинение всевозможными отступлениями, чтобы доставить приятные развлечения читателю и дать отдых своей душе; *но при одном упоминании о столь великом царе и полководце во мне вновь оживают те мысли, что втайне не раз волновали мой ум, и хочется представить себе, какой исход могла бы иметь для римского государства война с Александром* (Македонским, курсив мой. - В. Н.)" [Тит Ливий, 2002, с. 516 - 517].

Подобное мнение имело место не только в античности. В последнее десятилетие XX в. некоторые отечественные ученые активно "реанимировали" данную позицию. Так, авторы первого постсоветского учебника торжественно сообщали школьникам: "сегодня историки отказались от тезиса, что "история не имеет сослагательного наклонения"" [История... 1992, с. 282]. Это означало, что в рамках исторической науки необходимо изучать и различные потенциальные варианты, объективно имевшие шансы реализоваться в прошлом.

Признание данного тезиса влечет следующие важные выводы. Первый: "не убывающее количество работ, связанных с проблематикой альтернативности, показывает, что она прочно вошла в дискурс и практику исторической науки" [Бочаров, 2003, с. 166]. Второй: "возможность моделировать исторический процесс... заново проигрывая ту или иную ситуацию и обсуждая события, которые могли бы произойти, однако в действительности не произошли, - определяет... методологическую специфику исторической науки" [Успенский, 1996, с. 34]. Соответственно, по мнению ряда ученых, контрфактические исследования должны проводиться в рамках исторической науки, служить в ней важнейшим средством познания прошлого.

Однако здесь появляется существенная трудность. "Прошлое, по определению, есть некая данность, которую ничто не властно изменить" [Блок, 1986, с. 35], и если нарушить этот запрет, ученый автоматически выйдет за пределы исторической науки. Он будет изучать не то, что произошло на самом деле, а какое-то иное, искусственно сконструированное прошлое. Возникает противоречивая ситуация: с одной стороны, контрфактические исследования несовместимы с предметом исторической науки, а с другой - проводить их необходимо в ее рамках.

Можно ли найти выход из сложившегося положения? Ряд ученых видят его в том, что контрфактический анализ прошлого в исторической науке возможен, но в существенно ограниченной форме. Необходимо только "показать и доказать, что другой (альтернативный действительному. - В. Н.) вариант был возможен" [Молодяков, 2004, с. 8], а также объяснить, почему он не реализовался на практике. Далее ничего делать не следует. Ибо как только мы начинаем раскрывать содержание неосуществившегося, создается "новый вариант того, что уже произошло", имеет место "попытка "переиграть" события прошлого". Например, целесообразно поставить вопрос: "Был ли возможен в 1939 - 1941 гг. военно-политический союз СССР, Германии и Японии... против... блока США, Великобритании и их сателлитов?" [Молодяков, 2004, с. 8], но здесь анализ должен быть завершен, поскольку нельзя (оставаясь в научном поле рассуждений) описы-

вать, как конкретно могли развиваться исторические события при образовании данных альянсов.

Разумеется, у ученых, как правило, не получается последовательное проведение такой позиции в жизнь: неизбежно все сводится к описанию потенциального прошлого. В результате опять складывается противоречивая и парадоксальная в методологическом плане ситуация: "...вслед за утверждением о недопустимости сослагательного наклонения в истории очень часто звучат рассуждения именно в сослагательном наклонении" [Бочаров, 2003, с. 150]. "Историки-традиционалисты упоминают варианты типа "что, если" лишь мельком. "Размышлять, что было бы - есть занятие бесплодное", - говорят они и далее нехотя посвящают пару абзацев именно этому" [Даунинг, 2006, с. 6].

Получается, что проводить контрфактические исследования в исторической науке одновременно и можно, и... запрещено. Такое положение противоречит не только законам формальной логики, но и здравому смыслу. Однако, несмотря на это, данная тенденция проявляется в работах отечественных и зарубежных ученых. Так, видный историк XIX в. С. Соловьев писал: "Предположим, что вместо православия был бы в России католицизм; конечно, *историк* (курсив мой. - В. Н.) не имеет права толковать о том, что бы из того произошло". Однако обращает на себя внимание своеобразная логика ученого. Соловьев допускает, что минувшее могло быть "иным". Затем сомневается, заявляет, что подобные гипотезы для историка неприемлемы, и тем не менее начинает рассуждать о том, что могло бы быть. "Но он (историк. - В. Н.) имеет право сказать (? - В. Н.), что могли бы произойти такие явления, которым помешало одно только православие, а именно только одно православие помешало Владиславу стать царем в 1612 году и ополчить Московское государство" [Соловьев, 2003, с. 271]. Общий вывод Соловьева парадоксален: с одной стороны, контрфактические исследования в исторической науке неприемлемы, с другой - иногда их можно осуществлять.

Подобная позиция сохранилась и в XX в. Так, А. Гулыга начинает анализ конкретной исторической ситуации со следующих рассуждений. "Что было бы, не начни Юрий Московский (в XV в. - В. Н.) борьбы против Твери?... От малого... незначительного события, как решение московского военачальника Протасия, готового переметнуться к Михаилу (правителю Тверского княжества. - В. Н.), могли произойти великие перемены. В случае поражения Москвы могла бы укрепиться торговая и книжная Тверь". Однако он, как бы испугавшись, тут же делает из сказанного прямо противоположный вывод: "...Суждения типа "если бы, да кабы" - не для историка. История - не гадание по поводу утраченных возможностей. Это... - рассказ, оценка и объяснение" [Гулыга, 1980, с. 215 - 216]. При этом из утверждений Гулыги становится совершенно непонятно, в какой роли выступает он сам, проводя контрфактические исследования? Если историку это делать нельзя, то как называть описывающего потенциальное прошлое ученого? По специальности Гулыга - философ, но получается, что он еще и... прорицатель!

У некоторых специалистов стремление соединить в одной упряжке "лебедя, рака и щуку" (отрицать контрфактические исследования в исторической науке и одновременно проводить их на практике) принимает совершенно гротескные формы. Так, М. Бudyко утверждает: "Обсуждение возможного влияния на историю... неосуществившихся событий - занятие почти бесплодное из-за исключительной сложности взаимной связи различных компонентов исторического процесса" [Будыко, 2001, с. 97]. И несколько страниц спустя заключает: если бы жизнь Александра Македонского "продлилась хотя бы на десять лет", то имело бы место "...большее культурное единство Европы по сравнению с известными нам результатами ее исторического развития" [Будыко, 2001, с. 100 - 101]. Комментарии излишни!

Еще более любопытна по данному вопросу позиция В. Дженнера. Сначала он рассуждает: "Представьте себе, как бы развивался Китай, если бы индийские и центрально-азиатские миссионеры в IV и V веках нашей эры убедили своих... обращенных (китайцев. - В. Н.) использовать фонетическое письмо, производное от индийского шрифта... Рядом с высокой культурой могли бы тогда возникнуть другие письменные языки... Появились бы национальные государства с различными местными культурами... кото-

рым пришлось бы завоевывать приверженность своих подданных... с помощью конституционных соглашений". Но делает затем очень "логичный" вывод: "Есть важные вопросы, на которые *практически* (курсив мой. - В. Н.) невозможно ответить, как на все исторические вопросы типа "что было бы, если..." [Jenner, 1992, p. 226]. Из подобного умозаключения остается совершенно не ясным: чем Дженнер занимался до того? Неужели он "практически" не отвечал на вопрос: "что могло произойти, если бы в Китае V в. стало применяться фонетическое письмо?". Если Дженнер этого не понимает, то он подобен герою "Мещанина во дворянстве", который с удивлением узнал, что говорит прозой! Это - далеко не лучшее положение для любого исследователя!

Какова главная причина всех этих противоречий, воспроизводящихся у многих ученых? По моему мнению, она кроется в фатализме традиционного исторического познания, состоящем в признании абсолютной константности (неизменности) известного нам прошлого. Отсюда даже "историк", "предсказывающий назад" (занимающийся контрфактическими исследованиями. - В. Н.)... "снимает" неопределенность: то, что не произошло *de facto*, для него и не могло произойти" [Лотман, 1994, с. 362]. Эта методологическая установка и мешает ученым беспрепятственно изучать потенциальное прошлое в рамках данной дисциплины.

Своеобразная позиция (на эмпирическом уровне познания контрфактические исследования - приемлемы, на теоретическом - нет) не позволяет однозначно решить, надо ли осуществлять эти исследования в исторической науке. Однако объективно она прокладывает дорогу мнению о том, что проводить подобные исследования в рамках данной дисциплины не имеет смысла.

Ряд ученых, защищая указанное мнение, выдвигают следующий аргумент. Историческая наука описывает реально свершившееся прошлое. Если мысленно изменить его, то происходит определенное искажение минувшего, а этого делать нельзя. Историческая наука обязана раскрыть только происходившее на самом деле. Так, уже Лукиан из Самосаты утверждал: "Если бы Фукидид мог исправить несчастья, умолчав или рассказав обратное, - ему ничего не стоило бы легким движением пера разрушить вражеское укрепление в Эпиолах, потопить триеру Гемократа, убить проклятого Гилипа и... сиракузян отправить в каменоломни, а афинянам дать возможность обогнуть Сицилию и Италию согласно первоначальным планам Алкивиада. *Но, я думаю, то, что совершилось, даже Клото не может уже восстановить или Атропос изменить. Итак, единственное дело историка - рассказать все так, как оно было* (курсив мой. - В. Н.)" [Лукиан, 1962, с. 418]. С Лукианом согласен И. Бестужев-Лада: "При любом уровне полета своей фантазии историк - если он выступает как историк - не может игнорировать такие фундаментальные факты, как Бородинская битва, сдача и пожар Москвы, гибель "Великой армии" Наполеона и т.д." [Бестужев-Лада, 1997, с. 117].

Таким образом, по мнению большинства ученых, контрфактические исследования противоречат предмету исторической науки. Значит, проводить их в ее рамках нельзя: "Просчитывать возможные, но не реализованные последствия других (неосуществившихся. - В. Н.) вариантов и их проявления - не дело историка" [Сахаров, 1981, с. 64]. Но другой гуманитарной науки, изучающей прошлое людей, просто нет. Отсюда возникает логичный вопрос: где же их тогда осуществлять? На него тоже был дан определенный ответ: контрфактические исследования следует проводить в художественной литературе.

Впервые эту мысль сформулировал еще Аристотель: "Задача поэта - говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости. Ибо историк и поэт различаются... тем, что один говорит о том, что было, а другой - о том, что могло бы быть. Поэтому поэзия *философичнее и серьезнее истории* (курсив мой. - В. Н.), ибо поэзия больше говорит об общем, история - о единичном. Общее есть то, что по необходимости или *вероятности* (курсив мой. - В. Н.) такому-то [характеру] подобает говорить или делать то-то; это стремится доказать поэзия, давая [героям вымышленные] имена. А единичное - это, например, что сделал или претерпел Алкивиад" [Аристотель, 1983, с. 655]. Обратим внимание: поэзия, где можно

проводить контрфактические исследования, стоит выше ("философичнее и серьезнее") традиционной исторической науки.

Будущее подтвердило этот вывод: за прошедшее после Аристотеля время появилось немало художественных произведений, посвященных анализу потенциального прошлого. Если даже (вслед за Д. Нортон) начинать их отсчет с 1836 г., когда был опубликован роман Л. Н. Жиффруа-Шато "Наполеон и завоевание мира, 1812 - 1823: история всемирной монархии", то и тогда альтернативной истории "уже более ста пятидесяти лет" [Норт, 2002, с. 10]. За этот период вышел не один десяток рассказов, романов, эссе, основанных на данной тематике.

В теоретическом плане осуществление контрфактических исследований в рамках художественной литературы имеет определенные позитивные последствия.

1. Здесь свободно извлекаются "уроки" из прошлого.

2. У писателя есть полная свобода творчества: "автор исторического романа (или другого произведения. - В. Н.) с помощью воображения создает свой материал" [Стоун, 1994, с. 169]. Он не скован никакими запретами при анализе потенциального прошлого. Соответственно, теоретический вопрос - возможна ли история в сослагательном наклонении? - в художественной литературе просто снимается. Писатель, как правило, сразу переходит к раскрытию содержания потенциального прошлого, его конкретизации.

3. В рамках художественной литературы рассматриваются альтернативные варианты исторического развития, на анализ которых в силу различных причин (отсутствие достоверной информации, методологического инструментария и т.д.) не решается традиционное историческое познание. Дело в том, что последнее крайне ограничено в изучении данного объекта. В настоящее время, как справедливо указывает А. Левандовский, "...наша методика годится лишь для исследований современности и позднего Нового Времени. А все размышления на тему "а что, если бы?", относящиеся к более ранним эпохам, - это не более чем изящная интеллектуальная забава" (цит. по [Юзефович, 2002, с. 65]). Существующие в современном научном контрфактическом анализе пробелы и заполняет художественная литература. Причем, среди ее создателей можно встретить не только писателей, но и... профессиональных ученых. Например, знаменитый историк А. Тойнби создал эссе "Если бы Александр не умер тогда..." [Тойнби, 1979], посвященное изучению последствий продления жизни Александра Македонского.

При анализе сложившейся ситуации может показаться, что все идет прекрасно: никто не мешает писателям свободно рассуждать на любые темы, приходить к любым выводам. Значит, контрфактические исторические исследования должны осуществляться в художественной литературе. Увы, это - иллюзия. Целесообразность их проведения в рамках художественной литературы тоже может быть поставлена под сомнение по следующим причинам:

1. Осуществляемые литераторами контрфактические исторические исследования начинают восприниматься учеными как сугубо несерьезное, антинаучное занятие. Их объявляют "забавой" (Левандовский), "интеллектуальной игрой" (К. Королев), проводимой "в последние десятилетия... в... исторической (!? - В. Н.) литературе" [Пламя... 2004, с. 5].

2. Складывается впечатление, что изучение потенциального прошлого базируется исключительно на фантазиях писателей. Получается, что в рамках такого подхода "мечтатель выбирает и произвольно устраняет факт (может быть, неотделимый от данной совокупности), воображает то, что должно было бы произойти, старается вдаваться в детали этой фантазии" [Арон, 2000, с. 372].

3. У проводимых в рамках художественной литературы контрфактических исследований часто полностью отсутствует или сведена к минимуму научная методология при реконструкции потенциального прошлого.

4. Имеет место недостоверность результатов анализа.

В итоге (за редкими исключениями) контрфактические исследования, осуществляемые в художественной литературе, тоже выступают как весьма далекие от науки. По-

этому поиск сферы проведения данных исследований был продолжен. Трудность состояла в том, что искомая область должна была отвечать двум взаимоисключающим требованиям. Формально находиться за пределами научного познания и одновременно соответствовать его базовым критериям: объективности, рациональности, интерсубъективности, системности и др. Данная задача была решена следующим образом: контрфактические исследования необходимо осуществлять в рамках философии истории.

В пользу данной позиции (развиваемой И. Бестужевым-Ладой, Н. Розовым и другими учеными) можно привести следующие аргументы:

1. В философии истории допустимо изменение и даже абстрагирование от эмпирических фактов прошлого. Это снимает главное препятствие на пути проведения данных исследований, которое оказывается непреодолимым в традиционной исторической науке: "Философ истории... может допустить наличие или отсутствие чисто виртуальных фактов, лишь бы это не выходило за пределы реально возможного" [Бестужев-Лада, 1997, с. 117].

2. Здесь имеет смысл конструировать "основной сценарий "что, если бы" в приложении к ситуациям реального мира, например: что, если бы Гитлер не пришел к власти в Германии... Каков был бы статус Японии и Италии в 1940-е гг." [Розов, 2002, с. 15]. Тем самым в философии истории появляется возможность не только фиксировать изменения, но и описывать потенциальное прошлое. Значит, результаты исследования становятся воспроизводимыми, что отвечает одному из критериев научности.

3. Философия истории дает возможность беспрепятственно извлекать "уроки" из прошлого. В традиционной исторической науке сделать это крайне затруднительно. Ведь "если то или иное событие могло произойти только так, как произошло, - то какой отсюда урок? Например, если дикие злодеяния Грозного или Сталина, дикий волюнтаризм Петра III, Павла I или Хрущева не имели никаких реальных альтернатив, - то какие отсюда можно вывести уроки, кроме тех, что если появятся новые Сталин или Хрущев, то новых злодеяний или волюнтаризма все равно не избежать?" [Бестужев-Лада, 1997, с. 113].

4. Философия (как область знания) находится "над" конкретными науками. Это обстоятельство приводит к двум позитивным последствиям. С одной стороны, в философии не действует запрет на контрфактические исследования, существующий (для некоторых ученых) в исторической науке. С другой стороны, философия истории имеет как собственную, специфическую, так и взятую из других гуманитарных дисциплин методологию. Следовательно, здесь изучение потенциального прошлого выступает научно обоснованным.

Однако с целесообразностью проведения контрфактических исследований в рамках философии истории тоже можно не согласиться по следующим причинам.

1. Предмет философии истории - "вопрос об объективных закономерностях и духовно-нравственном смысле исторического процесса, о путях реализации человеческих сущностных сил в истории, о возможностях обретения общечеловеческого единства" [Философия... 2001, с. 8]. В ходе эволюции этой науки сложился специфический круг решаемых ею проблем: а) смысл (цель, направленность) исторического процесса; б) доказательство существования (отсутствия) законов истории; в) установление движущих сил исторического развития; г) выявление оптимальной (универсальной) периодизации исторического процесса; д) поиск методологических оснований анализа исторического процесса; е) определение места какой-либо страны (или человечества в целом) в истории.

Конечно, можно чисто "механически" добавить сюда еще одну, заявив, что философия истории "открывает имеющиеся в истории альтернативы" [Философия... 2001, с. 9]. Но как адекватно с научной точки зрения (а не волюнтаристским образом) вписать в нее контрфактические исследования прошлого - остается не ясным. По крайней мере, сделано это будет не скоро. Тем более что далеко не все ученые будут "рады" видеть в философии истории и такую область анализа, и связанную с ней проблематику.

2. Даже в рамках философии истории статус контрфактических исследований остается неопределенным. Вопрос: "научны они или нет?" продолжает быть открытым.

* * *

Подведу итоги. Во-первых, поскольку контрфактические исследования не могут проводиться (без серьезных противоречий гносеологического характера) в рамках исторической науки (опирающейся на фактическое знание прошлого), они переносятся некоторыми учеными вообще за пределы научного знания: в художественную литературу (поэзию), философию истории. Во-вторых, для сохранения достоверности, гарантии получения здесь позитивных результатов (реконструкций потенциального прошлого, создания его сценариев, извлечения из минувшего "уроков") от данных исследований требуют соответствия критериям научности. Что же делать? Существует ли выход из сложившегося тупикового положения?

По моему мнению, для преодоления возникшего противоречия необходимо признать: контрфактические исследования прошлого - междисциплинарное направление научного анализа. В пользу этого тезиса целесообразно привести следующие аргументы.

1. Контрфактические исследования находятся на стыке ряда естественных и гуманитарных наук: математики, физики, истории, экономики, философии, антропологии, психологии, социологии и т.д. Например, Р. Фогель поставил вопрос: как развивалась бы экономика США XIX в. при отсутствии в этой стране железных дорог [Fogel, 1964]? Для научно обоснованного ответа на него ученому пришлось привлечь данные не только собственно исторической науки, но и ряда иных дисциплин - экономической теории, социологии, статистики, осуществить математическое моделирование реальных и потенциальных социальных процессов.

2. Междисциплинарные направления научного познания обладают особым свойством: они "выступают как "порождающие" массу других, более частных исследований" [Сачков, 2003, с. 111]. Контрфактические исследования прошлого полностью отвечают данному критерию. Так, контрфактический анализ деятельности отдельных исторических личностей провоцирует постановку разнообразных вопросов. Вот некоторые примеры. Что могло случиться, если бы Александр Македонский прожил дольше отпущенных ему судьбой 34 лет (А. Тойнби, М. Будыко и др.)? Как развивалась бы Римская империя, если бы в гражданских войнах середины I в. до н.э. склонного к диктатуре Гая Юлия Цезаря победил симпатизировавший республиканцам Гней Помпей (Р. Виппер)? Произошло ли бы объединение Германии в середине XIX в. столь быстрыми темпами, если бы вместо О. Бисмарка ее канцлером оказался другой человек (М. Вебер)? По какому пути могло пойти развитие СССР в середине XX в., если бы место умершего в 1953 г. Сталина получил не Н. Хрущев, а Л. Берия (А. Назаретян)? Как бы развивалась наша страна, если бы Ю. Андропову (ставшему генсеком КПСС в 1982 г. и умершему в 1984 г.) удалось еще в течение нескольких лет проводить свой новый курс (Ю. Дроздов, В. Фартышев)? Произошла ли бы перестройка с катастрофическими для СССР последствиями, если бы в 1985 г. руководителем КПСС стал не М. Горбачев, а кто-то другой (А. Назаретян)?

Количество данных направлений постоянно растет, ибо ученые стремятся к изучению потенциальных действий исторических личностей не только в ближайшем к нам (XIX-XX вв.), но и в более отдаленном прошлом (Античности, Средних веках). Эта тенденция (в силу разнообразия самих эмпирических объектов), по моему мнению, обязательно сохранится в дальнейшем.

Ряд "частных исследований" порождает и контрфактический анализ отдельного исторического события. Так, в отношении войны 1805 г. (между Францией, с одной стороны, и Россией в союзе с Австрийской империей - с другой) они могут, с точки зрения А. Хорна, проводиться по следующим направлениям: "Что, если бы... русская армия успела соединиться с австрийским генералом Маком до разгрома последнего при Ульме? Что, если бы Россия вступила в войну раньше и русские полки атаковали растянутые фланги Наполеона?... Что, если бы под Аустерлицем русский генерал Кутузов не принял решающего сражения, а применил тактику, принесшую ему успех в 1812 г?..." [А

что, если... 2002, с. 300]. Каждое из данных исследований носит контрфактический характер.

Дает ряд "частных исследований" и контрфактический анализ факторов исторического процесса. Так, Р. Фогель и С. Энгерман в работе "Время на кресте" (1974 г.) изучали последствия того, что могло случиться, если бы в США (при отсутствии Гражданской войны 1861 - 1865 гг.) до конца XIX в. сохранился институт рабства. Ученым для решения главной проблемы пришлось осуществить ряд "частных исследований". Они проводились по следующим направлениям: 1) какова была бы цена на рабов (и почему) в 1890 г.; 2) могло ли рабство на равных конкурировать со свободным трудом, распространенным в северных штатах США; 3) являлось ли рабство экономически "более эффективным, чем способ производства в северных штатах, основанный на свободном труде" [Ладюри, 1993, с. 159].

Таким образом, каждое контрфактическое исследование обязательно стимулирует эмпирический анализ по ряду конкретных направлений. Поэтому оно выступает как междисциплинарное.

3. Контрфактические исследования находятся на стыке научного и ненаучного (художественная литература) знания. Не случайно некоторые современные специалисты считают, что они - "странный жанр", лежащий "между строгой наукой и фантастической литературой" [А что, если... 2002, с. 603]. Это - объективный факт. Как к нему относиться? Одни ученые стараются жестко "отгородиться" (путем создания системы различных запретов) от контрфактического анализа, проводимого в художественной литературе. Так, они, по словам Р. Коули, должны постоянно опасаться (и отказываться от изучения) "слишком вольных фантастических допущений (к примеру, что могло бы случиться, будь у Ганнибала водородная бомба или у Наполеона бомбардировщики-невидимки). Правдоподобие - вот ключевое слово ко всему" [А что, если... 2002, с. 9]. Сходного мнения придерживается Бестужев-Лада: "Недопустимо использование в 1812 г. пулеметов, танков, самолетов, но вполне можно представить варианты этой войны (России и Франции. - В. Н.) без Бородин и оставления Москвы" [Бестужев-Лада, 1997, с. 117].

По-моему, такой подход недостаточен. Его необходимо дополнить и другим, согласно которому ученый "должен пытаться улучшить концепции, которые потерпели поражение в соревновании (с другими теориями. - В. Н.), а не отбрасывать их" [Фейерабенд, 1998, с. 33]. Это значит, что далеко не все ирреальные предположения, сценарии потенциального прошлого надо обязательно элиминировать, признавать чистой "фантастикой". В рамках научного анализа появляется возможность скорректировать некоторые из них, сделать приемлемыми с точки зрения науки. Так, у Германии и в 1945 г. не было ядерного оружия. Отсюда предположение, что оно появилось на вооружении вермахта в 1944 г., следует признать абсолютно ирреальным, не соответствующим действительности. На первый взгляд кажется, что ученый анализом такой ("неправдоподобной") гипотезы заниматься не должен. Это - задача художественной литературы.

Однако данное допущение можно подвергнуть корректировке. Дело в том, что при совпадении ряда реальных факторов (прежде всего, изменении отношения нацистского руководства страны к данному вопросу в 1941 - 1943 гг.) немцы смогли бы сделать атомную бомбу. Более того, нет сомнения, что А. Гитлер обязательно применил бы ее против Великобритании и СССР - своих противников во Второй мировой войне. Поэтому данное предположение может быть признано в принципе не противоречащим действительности, а на его основе (как это сделал Ф. Линдси) построено адекватное с точки зрения научного познания описание потенциального прошлого [Победы... 2005, с. 312 - 336].

Контрфактические исследования - междисциплинарны и потому, что находятся на стыке науки и художественной литературы. Средствами науки часто можно доработать, усовершенствовать контрфактический анализ, проводимый в художественной литературе, сделать его результаты достоверными.

4. Контрфактические исследования активно заимствуют методологию из других междисциплинарных направлений научного познания, в качестве которых "не так давно

рассматривались общая теория систем и кибернетика, а ныне - синергетика" [Сачков, 2003, с. 111]. Так, из синергетики они берут модель "точки бифуркации" [Нехамкин, 2006^б, с. 121]. Из кибернетики - представление о виртуальных объектах и их характеристиках. Из теории систем - понимание необходимости рассмотрения в единстве различных объектов: личностей, событий, факторов исторического процесса. Следовательно, контрфактические исследования, использующие средства анализа из иных междисциплинарных направлений, сами являются междисциплинарными.

5. Междисциплинарный характер контрфактических исследований проявляется и в их функциях [Нехамкин, 2003, с. 40 - 42]. К ним относятся: 1) мировоззренческая (расширяет наши знания о прошлом); 2) методологическая (раскрывает новые средства исследования исторического процесса); 3) прагматическая (позволяет извлекать из прошлого полезные в интересах настоящего и будущего "уроки"); 4) прогностическая (дает возможность прогнозировать историческое развитие). Каждая из данных функций выполняет особые, универсальные задачи, выходящие за пределы не только какой-либо конкретной науки, но и собственно исторического познания.

Итак, на основании проведенного анализа целесообразно сделать следующие выводы. Во-первых, контрфактические исследования бесполезно и бесперспективно как привязывать к одной конкретной науке (истории), так и выводить их за пределы научного познания (в художественную литературу). Во-вторых, контрфактические исследования прошлого - междисциплинарное направление научного познания. В этом качестве они имеют существенный, постоянно увеличивающийся эвристический потенциал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель*. Сочинения. В 4 т. Т. 4. М., 1983.
- Арон Р.* Избранное. Введение в философию истории. М.-СПб., 2000.
- А что, если бы? Альтернативная история. М.-СПб., 2002.
- Бестужев-Лада И. В.* Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. 1997. N 8.
- Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986.
- Бочаров А. В.* Идея альтернативности исторического развития в отечественной историографии // История мысли. Русская мыслительная традиция. Вып. 2. М., 2003.
- Будыко М. И.* Эпизоды истории. Очерки. СПб., 2001.
- Бушков А.* Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы. М., 1999.
- Гулыга А. В.* Искусство истории. М., 1980.
- Гуц А. К.* Многовариантная история России. М., 2000.
- Даунинг Д.* Московский выбор. Альтернативная история Второй мировой войны. М., 2006.
- Дуришмид Э.* Победы, которых могло не быть. М., 2000.
- Егоров В. К.* История в нашей жизни. М., 1990.
- История Отечества. М., 1992.
- Ладюри Э.* Застывшая история // THESIS. 1993. N 2.
- Леценко В.* Ветвящееся время. История, которой не было. М., 2003.
- Лотман Ю. М.* Изъявление Господне или азартная игра? (Закономерное и случайное в историческом процессе) // Ю. М. Лотман и тартусско-московская семиотическая школа. М., 1994.
- Лукиан из Самосаты.* Избранное. М., 1962.
- Макси К.* Упущенные возможности Гитлера. М. -СПб., 2001.
- Модестов С. А.* Бытие несвершившегося. М., 2000.
- Молодяков В. Э.* Несостоявшаяся ось: Берлин-Москва-Токио. М., 2004.
- Назаретян А. П.* Знает ли история сослагательное наклонение? (Мегаисторический взгляд на альтернативные модели) // Философские науки. 2005. N 2.
- Нехамкин В. А.* Контрфактические исторические исследования: генезис, методология. М., 2006^а.
- Нехамкин В. А.* Контрфактические исторические исследования и синергетика (Пути взаимодействия) // Общественные науки и современность. 2006^б. N 5.
- Нехамкин В. А.* Проблема сослагательного наклонения в научном познании: сущность и функции // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2003. N 6.

- Норт Д.* Наполеоновские войны. Что, если? М. -СПб., 2002.
- Пламя "холодной войны": победы, которых не было. М., 2004.
- Победы Третьего рейха: альтернативная история Второй мировой войны. М., 2005.
- Поликарпов В.* Если бы... Исторические гипотезы. Ростов-н/Д., 1996.
- Розов Н. С.* Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М., 2002.
- Сахаров А. М.* Методология истории и историография (Статьи и выступления). М., 1981.
- Сачков Ю. В.* Научный метод. Вопросы и развитие. М., 2003.
- Соловьев СМ.* Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // *Соловьев С. М.* Наблюдения над исторической жизнью народов. М., 2003.
- Стоун Л.* Будущее истории // THESIS. 1994. N 4.
- Тит Ливий.* История Рима от основания Города. В 3 т. Т. I. М., 2002.
- Тойнби А.* Если бы Александр не умер тогда... // Знание-сила. 1979. N 12.
- Успенский Б. А.* История и семиотика // *Успенский Б. А.* Избранные труды. Т. 1. М., 1996.
- Фейерабенд П.* Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания. Благовещенск, 1998.
- Философия истории. Учебное пособие. Под ред. А. С. Панарина. М., 2001.
- Экитут С. А.* Сослагательное наклонение в истории: воплощение несбывшегося. Опыт историософского осмысления // Вопросы философии. 2000. N 8.
- Юзефович Г.* Сад расходящихся тропок // Еженедельный журнал. 2002. N 10.
- Fogel R.* Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore, 1964.
- Jenner W.J.F.* The Tyranny of History: the Roots of China's Crisis. London, 1992.